

## О КОСМОГОНИЧЕСКИХ И ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ МИФОЛОГИИ ЯЗЫКА В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

А. В. Карабыков – доцент кафедры иностранных языков Омского юридического института, кандидат филологических наук, доцент

В истории человечества трудно найти другой народ, чья картина мира являла бы собой столь же разноречивую палитру магико-религиозных представлений, как мировоззрение древних египтян. Пожалуй, нигде сильнее, чем в египетском мировидении, не выразилась черта, свойственная всем языческим культурам: войдя однажды в духовную историю Египта, ни одна идея или представление не исчезали из нее бесследно. Если учесть колоссальную протяженность этой истории – около трех тысячелетий, можно вообразить, насколько сложным и рационально не упорядочиваемым был духовный опыт, накопленный египетской культурой. И прежде чем приступить к его анализу, поспешим заметить, что мы не ставим своей задачей всестороннее описание этого опыта. Главным образом, нас будут интересовать только те аспекты мировоззрения Древнего Египта, которые помогут нам прояснить образ переживания, осмысления и использования языка в рассматриваемой культуре.

1. В Египте верили, что их цивилизация имеет божественное происхождение. По убеждению этого народа, она была создана вместе с космосом и природой богом-демиургом. С эгоцентризмом, свойственным архаическому сознанию в целом, египтяне полагали, что вся вселенная состоит из высшего Египта богов и их дольной страны. В их представлении земля напоминала «плоское блюдо со сморщенным ободком. Внутренним дном этого блюда была плоская аллювиальная равнина Египта, а сморщенным ободком – цепь горных стран – чужих земель»<sup>1</sup>. Так, согласно одной из древнейших космогонических теорий, изложенной в Мемфисском теологическом трактате и мемфисских гимнах XVIII династии, божественный творец не только родил богов и создал мир, но также основал города, разделил Египет на номы, учредил религиозные культы<sup>2</sup>. Важно отметить, что это воззрение было достоянием не отдель-

ной местной традиции, но всей древнеегипетской культуры. Об этом свидетельствуют литературные памятники, созданные в других ее центрах.

Имея общим истоком созидательный акт демиурга, природа, сфера культуры и ойкумена богов были имманентны и единосущны друг с другом. Они представляли собой, хотя и разные, но взаимно пересекающиеся планы *одной* действительности, между которыми не существовало отчетливых границ. Иллюстрацией этих онтологических утверждений может послужить религиозный культ египтян. Живя на небе, их боги одновременно обитали в земных храмах, где принимали рукотворные обличья идолов и параллельно почитались в образах священных животных (тельцов, кошек, соколов и т. д.) и насекомых.

Как учили египетские мифы, земля знала блаженную эпоху, когда в согласии и мире с людьми на ней сосуществовали боги, пребывая в своем первоизданном виде. Но затем произошло непоправимое. Когда верховный бог Ра состарился и одряхлел, люди возжелали узурпировать власть и замыслили мятеж. Их бунт не удался. Поощаив человеческий род, боги сохранили ему жизнь, а сами удалились на небо. Своим представителем на земле они оставили Хора, сына царствующего в загробном мире Осириса. Правя земным Египтом, он стал прародителем первой династии фараонов. И этот легендарный факт служил историческим обоснованием идеи о божественной природе царской власти и ее носителей<sup>3</sup>.

Фараон, считавшийся единосущным сыном бога-солнца, обладал общими с ним свойствами, главными из которых были бесконечная творческая сила и способность к жизненному обновлению. Его уход из мира символически уподоблялся заходу Солнца. Он умирал для того, чтобы, слившись с небесным отцом, вновь воссиять над горизонтом и уже с небесных высот заботиться об оставленной стране.

<sup>1</sup> В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Г. Франкфорт и др. СПб.: Амфора, 2001. С. 60.

<sup>2</sup> См.: Матее М. Э. Древнеегипетские мифы. М.; Л.: АН СССР, 1959. С. 84.

<sup>3</sup> См.: Солкин В. В. Египет: вселенная фараонов. М.: Алетея: Новый Акрополь, 2001. С. 23.

Стой во главе государства, земной владыка исполнял поистине божественные функции. Его всеобъемлющая деятельность имела не только политические, но также космогонические аспекты, между которыми египтяне не проводили принципиального различия. Прежде всего, фараон был обязан поддерживать мир в состоянии гармонии (маат). Чтобы не дать ему повергнуться в хаос, царь должен был совершать установленные традицией ритуалы. Его политическая активность мыслилась как часть этой глобальной деятельности. К примеру, весной, незадолго до подъема воды в Ниле, он бросал в реку ритуальный свиток с приказом начать разлив<sup>4</sup>. Кроме того, в обязанности властителя входило совершение жертвенных приношений богам и усопшим. До начала Среднего царства (XX в. до н. э.) никто, кроме него, не мог приносить жертвы от своего имени. Жрецы, состоявшие в штате египетских храмов, выступали в роли символических заместителей фараона. Он один в силу своей наследственной божественности был полноправным посредником между земным и небесным миром<sup>5</sup>. Таким образом, от усилий царя зависела не только судьба государства, а значит, и мира, вверенных ему божественным отцом, но также посмертная участь его подданных и благополучие самих небожителей – подданных верховного Солнца.

2. Во всем подобный отцу-демиургу фараон обладал силой творящего голоса. Его приказания, называвшиеся по-египетски «произнесением слов» (уджу меду), по своей созидательной мощи были эквиваленты актам творения мироздания<sup>6</sup>. Им подчинялись и люди, и боги, и одухотворяемые египтянами природные стихии. В отличие от простых смертных, правитель Египта считался наделенным в абсолютной мере свойством, которое в этой культуре обозначалось с помощью сложного понятия «маа кхеру», толкуемого в переводе как «правогласие», «праведный голосом», «творческий голос», его значение имело этико-религиозный и магический компоненты. В этическом плане это понятие относилось к тому, чья речь, во-первых, адекватна действительности (истинна) и, во-вторых, произносится по всем правилам ритуала (уместна и правильна)<sup>7</sup>. Чем в большей степени речь обладает этими качествами, тем она действеннее, т. е. магичнее. В этом состоит связь названных сторон «правогласия».

Кроме фараона, рассматриваемое свойство было устойчивым атрибутом некоторых божеств –

прежде всего, Тота и Исиды, славивших главными знаменами магии. Со времени Среднего царства, когда всякий умерший стал отождествляться с земным царем и загробным владыкой Осирисом, в Египте распространилось убеждение, что все люди могут стяжать полноту «правогласия» после смерти. В отношении усопших это понятие имело другие еще семантические грани, о которых будет сказано ниже. Что касается «творческого голоса» фараона, вот в каких словах выражена суть этого свойства в надписи, посвященной Рамсесу II: «Ху (божественная воля) – в твоих устах, Сиа (разум) – в твоём сердце; язык твой – святилище Маат (богини справедливости. – А. К.). Бог восседает на твоих губах; твои слова исполняются каждый день, ибо сердце твоё уподоблено сердцу Птаха, покровителя ремесел»<sup>8</sup>.

Птах, «восседающий на губах» царя, неслучайно назван здесь патроном ремесленников. Согласно влиятельной мемфисской доктрине именно этот бог считался первопричиной всего сущего. И сердце земного властителя уподоблено сердцу творца, потому что именно этот орган демиурга вместе с его устами играл главную роль в процессе творения. Мы читаем в Мемфисском трактате, что сначала Птах задумал мир в своём сердце, которое мыслилось на Востоке средоточием жизненных сил, мудрости, знания. Ментальный прообраз мира представлял собой совокупность потенций всех вещей, имеющих воплотиться посредством божественного слова. На наш взгляд, его хорошо поясняет шумерское понятие «ме», интерпретируемое исследователями как «потенция, идеальная модель вещи и качества»<sup>9</sup>. По словам В. В. Емельянова, «ме» «выражает стремление вещи обрести жизненную силу и внешнее проявление. Все, что есть в мире, может осуществляться только через наличие своих ме»<sup>10</sup>. Вавилоняне, родственные египтянам народ, позднее определяли это понятие как «явление», «слово», «потенция».

На следующем этапе творения Птах произнес вслух «все задуманное сердцем»<sup>11</sup>. Вне всяких сомнений, в данном месте мифа имеется в виду оглашение имен создаваемых вещей, что указывает на словесную (хотя бы отчасти) природу мысленного прообраза мира. Другой мифологический текст подтверждает справедливость этой идеи. От лица божественного творца в нем повествуется о начальном моменте генезиса, заключавшемся в самовоплощении демиурга: «Я произнес устами

<sup>4</sup> См.: Матье М. Э. Древнеегипетские мифы. С. 58.

<sup>5</sup> См.: Стучевский И. А. Рамсес II и Херихор. М.: Наука, 1984. С. 90.

<sup>6</sup> См.: Морэ А. Нил и египетская цивилизация. М.: Центрполиграф, 2007. С. 386.

<sup>7</sup> Там же. С. 199.

<sup>8</sup> Там же. С. 401.

<sup>9</sup> Емельянов В. В. Ритуал в Древней Месопотамии. СПб.: Азбука – классика: Петербургское востоковедение, 2003. С. 34.

<sup>10</sup> Там же. С. 34–35.

<sup>11</sup> Матье М. Э. Древнеегипетские мифы. С. 84.

моими имя свое как слово власти (т. е. как заклятие (хекау). – А. К.) и тотчас же я появился на свет в облики бога Хепри и вещей сущих... Я творил силой заклинаний сердца моего»<sup>12</sup>.

Отметим в этой связи, что в мемфисской космогонии обретение тела создателем связано с творением прочих богов, которые становятся необходимыми деталями творческого «механизма». Названные «зубами и губами» Птаха эти боги также обеспечивали работу каналов восприятия: «зрения, слуха ушей, дыхания носа, чтобы они осведомляли сердце» (2, 84). А по иной, гелиопольской, доктрине в ее позднейшей версии, возникшей под влиянием Мемфиса, демиург Агум создавал вселенную с помощью подсобных божеств: разума (Сиа), созидательного слова (Ху) и магии (Хека), выступавших в роли инструментов творения<sup>13</sup>. Выше, на примере записи Рамсеса II, мы убедились, что вместе с верховным богом-творцом силу этих божеств разделял его сын – правящий фараон.

Анализ древнеегипетской космогонии – по преимуществу в ее мемфисском варианте – приводит на ум аналогию между процессом возникновения мира и структурой коммуникации в этой культуре. И то, и другое происходит в строго вертикальном порядке. Как создатель вселенной определяет облик и судьбу мира своими «словами власти», опираясь в его творении на призванных к жизни помощников, так царь Египта, покорный во всем отцу-солнцу, управляет земной страной своими приказами, используя чиновничий аппарат. «Ты подобен Рэ (верховному богу. – А. К.) во всем том, что ты совершил. Чего бы ни возжелало сердце твое, входит [в жизнь, становится реальностью], – льстили владыке придворные. – Мы [даже и] не слышим, и очи наши не видят, тем не менее все решительно осуществляется»<sup>14</sup>. И потому нет ничего удивительного, что важнейшей древнеегипетской добродетелью считались покорность и послушание. Каким в отношении небесного бога был его сын – фараон, такими же в отношении него должны были являться государственные служащие<sup>15</sup>, а по отношению к ним – остальной народ, рабочее сословие в котором имело название «послушные призыву».

3. Описанная картина генезиса и устройства вселенной проливает свет на специфику онтологических воззрений в Древнем Египте. Сточки зрения египтян, присущей мифопоэтическому мышлению в це-

лом, бытие не знало безусловного разделения на субъектную и объектную сферы, на сознание и внеположную ему действительность. Космос, вне которого для них ничего не существовало, мыслился в этой культуре одноприродным. Каждый его элемент подчинялся одним и тем же универсальным законам. К примеру, боги старели и умирали в нем так же, как разрушались от времени горы и высыхали озера.

Древние чувствовали и знали, что мир пронизан единым эфиром, исполненным магической энергии<sup>16</sup>. Представление об этом встречается у многих архаических народов и имеет крайне неопределенный характер. Именуемое в разных культурах эфиром, маной, орендой, брахманом и т. д., оно указывает одновременно на особую среду, субстанцию, качество предметов, их силу и действие. Чтобы лучше понять суть обсуждаемого феномена, воспользуемся иллюстрацией, приведенной М. Моссом. По словам французского исследователя, в Меланезии считались отравленными стрелы, над которыми было произнесено заклинание<sup>17</sup>. Данный акт наделял их новым качеством, которое меланезийцы называли маной. При этом мана обладала для них особого рода вещественностью. Ведь если, скажем, округлость не существует отдельно от мяча или другого сходного по форме предмета, то мана может иметь самостоятельное бытие. В итоговом определении, предложенном М. Моссом, это явление связывается с «идеей чистой результативности». Оно представляет собой материально-локализуемую и в то же время духовную субстанцию. Мана «воздействует на расстоянии, но и непосредственно, через контакт; она мобильна и зыбка и при этом не движется; она безлична и при этом воплощается в персонифицированные формы; она прерывиста и при этом целостна». Исключительно важным для нас является в этом представлении то, что рассматриваемый феномен всегда сопрягался древними с сущностью речи, «давая обоснование... созидательной силы слов»<sup>18</sup>.

Описываемое воззрение не было чуждым и древнеегипетскому миропониманию. В зависимости от аспекта, выходявшего на передний план в том или ином контексте, это явление выражалось египтянами посредством нескольких понятий. Вероятно, центральным из них служило «са», толкуемое как «дыхание жизни», «жизненная сила», наполняющая собой вселенную. Источником этой силы считался верхов-

<sup>12</sup> Бадж Э. Легенды о египетских богах. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. С. 83.

<sup>13</sup> См.: *Культура Древнего Египта*. М.: Наука, 1975. С. 192.

<sup>14</sup> В преддверии философии ... С. 100.

<sup>15</sup> «Немногоглаголющий... слушающий речь царя и судебной палаты» – вот одно из ключевых качеств, которыми был обязан обладать кандидат в судьи. См.: *Антология мировой правовой мысли*. В 5 т. Т. I. Античный мир и восточные цивилизации. М.: Мысль, 1999. С. 35.

<sup>16</sup> См.: Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Изд-во полит. лит., 1983. С. 20.

<sup>17</sup> См.: Мосс М. Социальные функции священного. СПб.: Евразия, 2000. С. 127.

<sup>18</sup> Там же. С. 203–204.

ный бог – создатель и главный хранитель мира, своей заботой о нем продлевающий акт творения.

«Ты превращаешься в воздух,

Чтобы поднести его к ноздрям человека», –

поется о нем в одном из фиванских гимнов Нового царства (XIV–XI вв. до н. э.)<sup>19</sup>. «Вдыхая дыхание жизни во все нось», демиург оживотворяет все созданные им существа. Египтяне так и представляли себе жизненный процесс – в виде неуловимого флюида, дуновения, распространяющегося по земле. И потому главным атрибутом жизни для них был орган, вбирающий воздух. Так, в «Текстах пирамид» об усопшем фараоне говорится, что он «нос, который дышит» (538d)<sup>20</sup>.

Есть основания предполагать, что «са» было той первой универсальной субстанцией, что сотворил бог-создатель в качестве среды и исходного материала для последующих вещей. Ведь, согласно мемфисскому учению, всякий предмет был введен в бытие посредством оглашения его имени. А что есть имя как не особая, персонифицирующая, магически создающая вещь или личность модификация воздуха? Следовательно, для того, чтобы названия предметов могли быть произнесены вслух, требовалась некая первичная среда и материя, «заряженные» творческими потенциями. В доказательство правильности этого взгляда обратимся к другим космогоническим учениям Египта. Во многих из них появление воздуха истолковывается как физиологическое порождение организма творца. «Я Шу (бог воздуха. – А. К.), сын Атума. Он родил меня в носу своем, [и] я вышел из ноздри его», – читаем в «Текстах саркофагов»<sup>21</sup>. Так же и в гелиопольской доктрине первыми божествами, сотворенными демиургом, признаются Шу и Нут, олицетворяющая водную стихию.

В согласии с общеархаическим представлением о мане воздух для египтян был не только средой, по которой проходили магические токи, но и самим этим током, или, что то же самое, жизненной силой, берущей свое начало в дыхании верховного бога. Правильное употребление этой энергии открывало доступ к непосредственному воздействию на бытие, позволявшему созидать и преобразовывать мир. «Овеяны ноздри мои дыханием жизни и властвования»<sup>22</sup>, – говорит о себе царица Хатшепсут, подчеркивая магическую природу растворенной в воздухе жизненной силы<sup>23</sup>. Неслучайно многие ста-

туи-обереги, хранившиеся в египетских домах, имели форму иероглифа, выражавшего понятие «са».

Будучи одновременно субстанцией и энергией, эта сила могла локализоваться и перемещаться. Во-первых, она рассеивается по свету, исходя из своего источника – творца и хранителя мироздания. «Поистине то, что в устах Ра, распространится (т. е. перейдет из уст в уста), и язык Великого Бога даст отпор [противостоящему]», – гласит текст одного заклинания, недвусмысленно сближающий «са» с магическим воздействием<sup>24</sup>. Во-вторых, животворные токи могут подвергаться сугубым манипуляциям по каким-то специальным поводам. Представление об этом встречается в мифах и повестях Древнего Египта. Так, в «Легенде о Птахе Неферхотепа и принцессе из Бехтема» есть рассказ о том, как один из богов обратился с просьбой к верховному Ра, чтобы тот передал свою магическую энергию третьему небожителю, которого он хотел послать в египетский город исцелить дочь правителя. С исключительной наглядностью обсуждаемое представление запечатлелось также в ритуальном жесте, носившем название «сэтэп са» («излить флюид жизни», «испустить жизненную силу»). Он состоял в движении поднятой ладони вдоль затылка и спины получателя пасса. «Истинно, божественная эта дочь бога, – утверждает Тутмос I о своем чаде, указывая далее на магическое значение обсуждаемого ритуала. – Это боги сражаются за нее и каждый день посылают ей вслед жизненные токи, как то повелел отец ее, владыка богов»<sup>25</sup>.

Более того, не будет ошибкой считать, что любой магический обряд имел в своем метафизическом основании мысль об обращении с «са». Манипуляции с жизненной силой могли иметь конструктивный или негативный характер. В первом случае их целью было сообщение кому-либо этой энергии, во втором – ее отнятие. Нет нужды объяснять, что описанное представление далеко не всегда отчетливо осознавалось агентами магических праксисов. Как правило, волхвы просто пользовались образцами формул и действий, «отлитыми» в их культуре, а не создавали их сами на основе продуманных мировоззренческих предпосылок.

4. Свое высшее проявление идея жизненной ценности дыхания и речи обрела в заупокойном культе египтян. Его ключевые представления наглядно раскрывались в похоронном обряде, центром которого был ритуал «отверзания уст» (уп эр).

<sup>19</sup> Франк-Каменецкий И. Г. Памятники египетской религии в фиванский период. М., 1918. С. 18.

<sup>20</sup> Сказки и повести Древнего Египта. Л.: Наука, 1979. С. 192.

<sup>21</sup> Там же. С. 195.

<sup>22</sup> Солкин В. В. Египет: вселенная фараонов. С. 155.

<sup>23</sup> Ср. сходную характеристику богини Исида, которая имела в Египте репутацию великой колдуньи: «Ее уста с дыханием жизни, ибо речи ее отгоняют болезни и ее слова оживляют тех, чьи горла закрыты (т. е. мертвых)». См.: Матье М. Э. Древнеегипетские мифы. С. 89.

<sup>24</sup> Бадж Э. Легенды о египетских богах. С. 141.

<sup>25</sup> Морэ А. Цари и боги Египта. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2003. С. 20.

В нем символически воспроизводился мифологический сюжет, описывающий, как Хор через поцелуй в уста вернул жизнь своему отцу Осирису. Процедура совершения этого ритуала излагалась в отдельном жреческом пособии под названием «Книга дыханий», или «Книга отверзания уст». Древнейшие упоминания об этом магическом праксисе содержатся уже в «Текстах пирамид» (XXIV–XXIII вв. до н. э.).

Приступая к его совершению, сын или близкий родственник покойного прикасался ритуальным резцом к изображению лица на статуе усопшего. Тем временем жрец нараспев читал заклинание, отождествляя происходящее с указанным событием мифической истории:

«Гор, отверзи рот сего и. р. (имярек. – А. К.)!  
Как открыл некогда рот своего отца Осириса,  
Как открыл некогда рот Осириса  
Медью, выходящую из Сетха, [медной] мосхой,  
[отверзающей рот богам.

Ею открыт рот и. р., (и) он уходит.]» (20, 13)<sup>26</sup>.

Затем, обратившись к покойному, жрец заверял его: «О и. р.! Ведь ты не ушел мертвецом, ты ушел живым» (213b, 134a)<sup>27</sup>. Убежденность в истинности этих слов египтяне выражали не только вербально, но и посредством красок. До совершения над ним описанного ритуала новопреставленный изображался в виде мумии, а после «отверзания уст» – в своем привычном, прижизненном образе.

Получение усопшим дыхания непременно сопровождалось наделением его «правильным голосом» (маа кхеру) и «словами власти» – заклинаниями (хекау). Говоря точнее, магическая способность составляла вершинный аспект сообщаемой покойному жизненной силы. В египтологии нет единого мнения о том, что в точности означает понятие «маа кхеру» в отношении умерших. Если следовать традиционной трактовке, «правогласный» значит «оправданный на загробном суде». Таковым мог стать только тот, чья оправдательная речь найдена правильной богами подземного мира. В другой, позднейшей, интерпретации, предложенной О. Д. Берлевым, данный эпитет объясняется в контексте практики заупокойных приношений «пэрт кхеру». Название этой практики переводится как «приношения, сотворенные голосом». При таком истолковании приблизительный смысл «маа кхеру» может быть выражен как «наделенный слухом». С этой точки зрения, усопший, называемый

«правогласным», считался способным слышать и читать список предназначенных ему жертв, который располагался на гробничной стене<sup>28</sup>.

Есть основания полагать, что в том случае, если оба представленных подхода являются правильными, то по мере развития в древнеегипетской культуре этического начала между ними должно было происходить сближение. Способность покойного к восприятию словесных жертв все больше определялась вердиктом загробного суда, а он, в свою очередь, – мерой праведности человека в его земной жизни.

Но усиление этического фактора происходило очень медленно в мировоззрении Египта. Исследователи испытывают серьезные сомнения в том, имел ли он вообще когда-либо решающее влияние на картину мира древних египтян<sup>29</sup>. Насколько позволяют судить памятники их культуры, на протяжении большей части египетской истории главную роль в заупокойном культе играл не моральный облик усопшего, а знание им магических заклинаний. Египтяне верили, что только владение «словами власти» может, в конце концов, помочь преодолеть все мытарства и испытания, ожидающие людей в царстве мертвых. Подобно созидавшим мир словам Птаха, спасительные заклинания должны были произноситься вслух, без ошибок и с предписанной интонацией. Для этого покойному требовалось дыхание и голос. «Отныне ты наделен токами жизни», – торжественно объявлял ему жрец, завершая «отвержение уст», и обещал его близким: «Умерший будет ходить и будет говорить».

Магические формулы, которые должен был говорить усопший, в эпоху Пирамид высекались на стенах царских усыпальниц. Позднее в результате демократизации культа они стали наноситься на стенки вельможных саркофагов и затем (с XV в. до н. э.) прилагаться к телу всякого умершего в виде папируса или талисмана. Их цель заключалась в подчинении богов власти покойного. «С этим талисманом умерший очутится среди богов, – заверяет «Книга мертвых». – Он станет богом навеки». Для того чтобы ошутимее выразить данное убеждение, жрец произносил от его лица заклинания, с которыми тот, как предполагалось, обращался к обитателям неба, угрожая им знанием магических формул: «Я властвую на моем троне, и я управляю силой моих слов, исходящих из моих уст»<sup>30</sup>. И в другом месте «Книги»: «Повержены моими словами боги, владыки небесных границ»<sup>31</sup>.

<sup>26</sup> *Тексты пирамид*. СПб.: Журнал «Нева», «Летний сад», 2000. С. 87.

<sup>27</sup> Там же. С. 183.

<sup>28</sup> См.: *Hodjash S., Berlev O. The Egyptian Reliefs and Stellae in the Pushkin Mudeum of Fine Arts. Moscow, Leningrad, 1982. P. 14.*

<sup>29</sup> См.: *Кюмон Ф. Восточные религии в римском язычестве*. СПб.: Евразия, 2002. С. 232–233.

<sup>30</sup> *Египетская книга мертвых*. Папирус Ани Британского музея. М.: Алетей, 2003. С. 304.

<sup>31</sup> Там же. С. 287.

Полагаем, приведенных свидетельств достаточно, чтобы сделать ясным тот факт, что «правогласие», уподоблявшее покойного могущественным богам и фараону, понималось египтянами *par excellence* в магическом ключе. Однако это не исключало полностью влияния этических соображений, которое, как принято считать, постепенно проникало в египетскую тана-

тологию в виде идеи воздаяния. Таким образом, рассмотрение заупокойного культа снова убеждает нас в том, о чем свидетельствует анализ космогонических и онтологических представлений египтян: их мировоззрение имело по преимуществу магический характер, что обусловило свойственное древнеегипетской культуре понимание сущности слова.